

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО
СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ СССР

МОСКОВСКИЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА И ОРДЕНА ТРУДОВОГО
КРАСНОГО ЗНАМЕНИ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ М. В. ЛОМОНОСОВА

Юридический факультет

На правах рукописи

КОМИССАРОВ ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ

НАУЧНЫЕ, ПРАВОВЫЕ И ПРАВСТВЕННЫЕ ОСНОВЫ
СЛЕДСТВЕННОЙ ТАКТИКИ

(специальность № 120009 — криминалистика)

Диссертация выполнена на русском языке

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Москва — 1977

Диссертация выполнена на кафедре криминалистики юридического факультета Московского Государственного Университета.

Научный руководитель — доктор юридических наук, профессор **А. Н. Васильев**.

Официальные оппоненты:

1. Доктор юридических наук — **И. Ф. Пантелеев**
2. Кандидат юридических наук — **Н. П. Косоплечев**

Ведущая организация — Свердловский юридический институт.

Автореферат разослан «*21*» января 1977 г.

Защита диссертации состоится *25 марта* 1977 г. на заседании уголовно-правового специализированного совета (К-13/7) в МГУ им. М. В. Ломоносова (г. Москва, ул. Герцена, 11).

С диссертацией можно ознакомиться в читальном зале библиотеки юридического факультета МГУ.

Ученый секретарь специализированного совета — доктор юридических наук, профессор

Н. П. Яблоков

Автомат.
К-63

Необходимость повышения научного уровня предварительного расследования преступлений предполагает комплексную разработку теоретико-практических проблем следственной тактики.

Актуальность и важность комплексного подхода к изучению основ следственной тактики вытекают из документов и важнейших решений КПСС последних лет. Так, на XXV съезде КПСС, в частности, отмечалось, что "на нынешнем этапе развития страны потребность в дальнейшей творческой разработке теории не уменьшается, а, наоборот, становится еще большей. Новые возможности для плодотворных исследований как общетеоретического, фундаментального, так и прикладного характера открываются на стыке различных наук, в частности естественных и общественных. Их следует использовать в полной мере"¹.

8030

Насущные проблемы криминалистики, как и проблемы других наук, должны рассматриваться в связи с общим развитием современного научного знания, с учетом его ведущих тенденций и закономерностей. Так, для современного этапа развития юридических наук характерна определенная дифференциация специальных дисциплин при одновременном тяготении их к интеграции, к синтезу. Отсюда - стремление каждой из наук, в том числе и криминалистики, к самоопределению, к уяснению своего специфического предмета, задач и методов исследования. При этом служебная роль криминалистики характеризуется еще и особой тенденцией - более широким включением в сферу своей деятельности данных специальных наук. Это и обуславливает необходимость комплексного подхода к

¹ Материалы XXV съезде КПСС. М., 1976, с. 72.

код экземпляра 97765

изучению научных, правовых и нравственных основ следственной тактики.

До недавнего времени в юридической литературе если и рассматривались основы следственной тактики, то — преимущественно в правовом или научном аспекте. Вопросы же нравственных ее основ затрагивались, как правило, в общих чертах и применительно лишь к тактике того или иного следственного действия. Современное же развитие криминалистики и других специальных наук, положения которых используются при разработке тактических приемов, одновременно ставят на повестку дня вопросы о научной обоснованности, правомерности и нравственной допустимости использования рекомендаций следственной тактики.

Среди юристов, как теоретиков, так и практиков, нередко возникает противоречивые мнения о возможности и результативности применения тех или иных рекомендаций криминалистики. Аргументируя свои доводы, они обычно обращаются к научным или правовым положениям. Однако только с этих позиций юристам не всегда удается прийти к общим выводам. Именно в результате недооценки нравственных критериев работы следователя в последние годы в теории и практике возник ряд дискуссионных проблем. Между тем известно, что нравственные аспекты, наряду с научными и правовыми, играют немаловажную роль в определении правильного подхода к разрешению вопросов допустимости использования тех или иных тактических приемов. Нравственные основы следственной тактики находятся в прямой связи с процессом формирования и использования тактических приемов, помогают следователю в установлении правильных нравственно-психологических взаимоотношений

с участниками процесса. Нравственные основы усиливают воспитательное воздействие всего судопроизводства. Поэтому представляется верным суждение Р.С. Белкина и А.И. Винберга о том, что "наступило время, когда ... возникла необходимость в разработке учения о связях в теории криминалистики, ибо в следственной и судебной деятельности при современном системном подходе к ... событию преступления, материальной его обстановке, личности преступника... - словом, при целостном подходе к данной сфере познания необходимо изучение самых различных форм связи и отношений"¹.

Целью диссертации является попытка рассмотреть и сформулировать научные, правовые и нравственные основы следственной тактики, проследить их взаимосвязь и диалектическое взаимодействие, а также - их роль и влияние на формирование и использование тактических приемов. С позиций научных, правовых и нравственных основ в работе анализируются конкретные тактические приемы допроса, предъявления для опознания, обыска, освидетельствования. На базе аналитико-критического исследования рекомендаций следственной тактики вносятся предложения по повышению эффективности следственных действий, делаются выводы по вопросам научности, правомерности и нравственной допустимости использования не только отдельных тактических приемов, но и некоторых процессуальных действий (таких как повторное предъявление для опознания, принудительное освидетельствование потерпевших и свидетелей).

¹ Белкин Р.С., Винберг А.И. Криминалистика (общетеоретические проблемы). М., 1978, с. 210.

Выводы и предложения диссертанта базируются на анализе и обобщении следственной и судебной практики (написанию диссертации предшествовало изучение 350 уголовных дел различных категорий; по итогам обобщения на имя прокурора Саратовской области была составлена докладная записка и в октябре 1975 года был проведен практический семинар следователей прокуратуры области), на результатах проведенного анкетирования практических работников органов прокуратуры и МВД (проанкетировано 220 следователей прокуратуры и милиции Саратовской, Ульяновской, Тамбовской и других областей), а также - на результатах интервьюирования отдельных следователей и личном опыте работы автора в органах прокуратуры.

Под углом зрения темы диссертации изучалась философская и специальная юридическая литература, Постановления партии и правительства и соответствующие указания ведомственных органов по вопросам борьбы с преступностью.

Содержание работы.

Первая глава - "Научные основы следственной тактики" - посвящена рассмотрению отдельных дискуссионных проблем криминалистики и следственной тактики (а в ней - понятия и содержания тактических приемов, путей и принципов формирования их системы).

Исходной является мысль о том, что криминалистика как наука сформировалась и существует во всех своих положениях, средствах, приемах и методах на основе творческого использования данных различных специальных наук в уголовно-процессуальной деятельности по расследованию и предупреждению преступлений с

учетом положений, разработанных науками уголовного права и процесса и соответствующих норм закона. Положения, методы и средства специальных наук, приспособленные к задачам расследования, а также обобщение передовой следственной практики составляют общую научную основу криминалистики.

В диссертации не разделяется позиция юристов, считающих, что данные других специальных наук используются в криминалистике главным образом в "преобразованном", "трансформированном" виде. Автором отстаивается и дополнительно аргументируется точка зрения, что данные специальных наук, вовлеченные в сферу криминалистики, приспособляются для нужд расследования. Методика работы с криминалистическими объектами в этих случаях формируется с учетом специфических условий расследования, пределами, целями познания в рамках процессуальной деятельности следователя. При этом данные специальных наук, поскольку они приспособлены к задачам криминалистики, положены в основу ее рекомендаций, широко используются в следственной практике, становятся криминалистическими. Например, в процессе осмотра места происшествия при обнаружении, фиксации и изъятии материальных следов преступления следователь широко использует математические методы измерения. Измерительные средства фиксации и исследования материальных следов в этом случае без каких-либо переработок, преобразования используются в работе с криминалистическими объектами. Такое же положение можно отметить и при использовании логических приемов мышления в ходе выдвижения и проверки следственных версий. Вместе с тем, необходимо заметить, что использование криминалистических средств различных специальных наук, конечно

же, не исключает в определенных случаях и возможности их переработки, преобразования (особенно в области криминалистической техники).

На основе анализа следственной и судебной практики как общего источника формирования криминалистики и науки уголовного процесса в работе отмечается взаимовлияние, диалектическое взаимодействие и, в то же время, достаточно четкое разграничение сфер этих наук. Криминалистика изучает следственную и судебную практику под углом зрения выявления типичных следственных ситуаций, способов совершения преступлений и механизме следообразования в интересах обратного движения от следов к преступнику и в целях разработки и проверки на практике новых, а также - совершенствования имеющихся криминалистических средств, приемов и методов. Уголовно-процессуальная наука изучает практику применения закона в другом направлении - для разработки рекомендаций по правильному осуществлению, совершенствованию и повышению эффективности норм УПК^I.

С позиций системно-структурного анализа в диссертации рассматриваются понятие, сущность и предмет следственной тактики. С несколько иных, не традиционных позиций аргументируются различия тактики следственных и судебных действий. На базе этого анализа формулируются возражения авторам, предлагающим не только переименовать "следственную тактику" в "криминалистическую", но и преждевременно расширяющим её содержание и задачи; следственную тактику они распространяют на судебное следствие. Понятие, сущность и предмет следственной тактики в работе опре-

^I См. Строгович И.С. Курс советского уголовного процесса. М., 1968, с. 75-76.

деляются не только с учетом правовых, но и нравственных требований. Руководствуясь основными положениями по данному вопросу, изложенными в работах Р.С. Белкина, А.Н. Васильева, А.И. Винберга, С.П. Митричева и других, диссертант приходит к выводу о том, что следственная тактика - это система тактических приемов, разработанных на основе НОТ, логики, психологии, обобщения следственной практики и с учетом нравственных принципов в целях применения логических методов познания, формирования правильных психологических и нравственных взаимоотношений следователя с участниками следственных действий и эффективного применения научно-технических средств в процессе собирания доказательств в соответствии с уголовно-процессуальными нормами. Возможно, что это определение на первый взгляд покажется несколько громоздким. Однако, думается, что в нем отражены не только природа, но и все основные стороны предмета и задач следственной тактики на современном этапе ее развития.

При рассмотрении понятия и задач тактического приема отмечаются два сложившихся подхода к разрешению этого вопроса. Одни авторы считают, что тактический прием - это рекомендация, основанная на данных специальных наук и обобщения следственной практики и имеющая конкретное, структурное содержание в качестве элемента системы приемов. Другие же полагают, что тактический прием - это наиболее рациональный и эффективный способ действий или наиболее целесообразная линия поведения следователя. В диссертации разделяется первая точка зрения в понимании сущности и задач тактического приема и (в отличие от общеизвестных подходов к рассмотрению проблемы) на конкретных примерах показы-

вается недостаточная убедительность суждений сторонников второго направления.

Понимание тактического приема как научной рекомендации предполагает рассмотрение этой проблемы в различных аспектах, одним из которых является анализ соотношения научных рекомендаций криминалистики и приемов расследования, выявленных следователями в ходе практической деятельности и не получивших еще своего научного обоснования. Сторонники критикуемой в диссертации позиции не делают различия между тактическими приемами, разрабатываемыми следственной тактикой, и приемами расследования, выявленными непосредственно практическими работниками. Тем самым они допускают отождествление различных по научной обоснованности приемов. В работе прослеживаются отрицательные последствия смешения научных рекомендаций криминалистики с эмпирически выявленными самими следователями и еще научно необоснованными приемами.

В новом плане (по источнику формирования и возможностям использования) рассматриваются и вопросы ограничения тактических приемов от норм УПК. Подчеркивается, что тактический прием является элементом в общей системе криминалистики, а нормы УПК - элементом в общей системе уголовно-процессуальной науки.

С системных позиций анализируются научные основы следственной тактики и их влияние на формирование тактических приемов. Подтверждая и развивая далее высказанную в юридической литературе позицию о необходимости разработки и систематизации тактических приемов по их видам, определяемым теми специальными науками, положения которых взяты за основу того или иного приема или группы приемов, в работе, в частности, дается дополнительный анализ

научных основ тактики использования общественности в расследовании преступлений, прослеживаются (и показываются графически) прямые и обратные связи между системой тактических приемов и законом, научными основами, нравственностью, а также следственной практикой, которая в этом случае выступает в виде как источника, так и критерия, определяющего научно-практическую ценность тактических приемов.

Во второй главе - "Правовые основы следственной тактики" - обращается внимание на тесную взаимосвязь уголовно- и уголовно-процессуального закона и нормативных актов ведомственного характера. Однако, учитывая то обстоятельство, что подзаконные акты (приказы, инструкции и т.д.) служат лишь средством толкования, правильного понимания и творческого применения норм права, в диссертации отмечается, что при определении понятия и содержания правовых основ предварительного расследования необходимо различать как основы нормативного характера, так и вспомогательные основы - акты ведомственного порядка. Отличие нормативных основ от вспомогательных заключается в том, что первые - прямо направлены на регулирование порядка производства процессуальных действий. Они установлены государством и непосредственно закреплены в нормах УК, УПК РСФСР и других законодательных актах. Вспомогательные же правовые основы предварительного следствия имеют опосредствованный, подзаконный характер. Они призваны обеспечить наиболее полное и правильное исполнение нормативных положений.

С учетом изложенного делается вывод о том, что под правовыми основами следственной тактики надо понимать систему норм уго-

ловно-материального и уголовно-процессуального права и подзаконных актов, которым должны соответствовать общая направленность, содержание и цели научной разработки тактических приемов, а также порядок и критерии оценки результатов использования этих приемов на практике.

Исходя из такого определения правовых основ следственной тактики, в работе по новому исследуются вопросы законности тактического приема, делается вывод о том, что тактический прием будет отвечать требованиям законности в том случае, если он разработан и используется на основе всестороннего, полного и объективного учета всех норм УПК, их свойств императивности, разрешительности, альтернативности и запретительного характера. С этих позиций критикуются отдельные рекомендации некоторых авторов (о возможности дополнительного привлечения к допросу третьих лиц, о нецелесообразности участия педагога в допросе несовершеннолетних от 14 до 16 лет) и делается общий вывод о правомерности и неправомерности участия в допросе третьих лиц. Исходя из специфики процессуальных функций педагога, заключающейся в оказании помощи следователю в установлении психологического контакта с несовершеннолетним и в обеспечении процессуальных гарантий допрашиваемых, не достигших 14-летнего возраста, вносится предложение о включении в УПК нормы (ст. 134¹ "Участие педагога"), обязывающий следователя привлекать к производству всех следственных действий педагога, если в них принимают участие несовершеннолетние (до 14 лет), и представляющей следователю право по своему усмотрению привлекать педагога в случаях, когда процессуальное действие производится с подростком от 14 до 16 лет. Эту статью предлагается сформулировать таким образом:

При производстве следственных действий вызов педагога обязателен, если в них принимают участие несовершеннолетние до 14 лет, и по усмотрению следователя, если несовершеннолетним от четырнадцати до шестнадцати лет.

Перед началом следственного действия педагогу разъясняются его права и обязанности, что отмечается в протоколе соответствующего следственного действия.

Педагог присутствует при следственных действиях и с разрешения следователя может задавать несовершеннолетним вопросы. Следователь вправе отвести заданный педагогом вопрос. Однако отведенный вопрос должен быть внесен в протокол, составляемый с соблюдением требований статей 141 и 142.

В третьей главе - "Нравственные основы следственной тактики" - рассматриваются нормы социалистической морали и их роль в расследовании преступлений.

С марксистско-ленинских философских позиций критикуется распространенное среди юристов суждение о наличии некоей особой "профессиональной морали". Автором обосновывается тезис о возможности формирования и развития профессиональной этики или так называемой "судебной этики".

В литературе распространено суждение о том, что нравственные основы следственной тактики, как и всего расследования, нужно определять, исходя из требований судебной этики (см. работы Л.Е. Арошера, А.Д. Бойкова, Ю.М. Зархина и других). Думается, что такая точка зрения не совсем верна. "Судебной этики" как самостоятельной науки пока еще нет: она находится в стадии своего формирования. И как показал анализ специальных работ, посвященных

проблемам судебной этики, вопрос о ее понятии, предмете и задачах рассматривается весьма разноречиво, порой даже диаметрально противоположно. Разработанные же судебной этикой на данном этапе ее развития отдельные положения не охватывают всей нравственно-правовой работы следователя. Поэтому в качестве нравственных основ следственной тактики на сегодняшний день эти положения выступать не могут. В отличие от общепринятого в юридической литературе подхода к определению нравственных основ, в работе под такими основами следственной тактики понимается система общепризнанных этических норм, нашедших свое отражение в социалистической морали, воплощением основных принципов которой является Моральный кодекс строителя коммунизма. При этом подчеркивается, что нравственные основы следственной тактики помогают изучить связи между моралью и следственной тактикой в целях формирования наиболее правильных и этически оправданных взаимоотношений между участниками предварительного следствия. Они призваны оказывать положительное влияние на воспитание лиц, проходящих по делу, и перевоспитание преступников. Нравственные основы следственной тактики призваны определять моральный аспект рекомендаций криминалистики и этические критерии допустимости их использования на практике.

Рассматривая сущность нравственных основ следственной тактики и их влияние на формирование и использование тактических приемов, в диссертации с новых позиций анализируется роль морали в общей системе тактики. Отмечается, что мораль находит свое отражение в нормах права, ^упозаконных актах. Однако, в отличие от тактических приемов и подзаконных актов, нормы УПК, включившие в себя нравственность, уже, как правило, не оцениваются с позиций

морали, а исполняются, что, однако, не исключает в определенных ситуациях ограничительного влияния морали на характер и пределы реализации норм права (например, не всегда допустимо принудительное освидетельствование потерпевшего или свидетеля, недопустимо привлекать к уголовной ответственности родителей, не желающих давать показания, порочащие их сыне и т.д.).

В работе обосновывается тезис о том, что правомерный тактический прием должен также быть и нравственно допустимым. Прослеживаются некоторые характерные нарушения нравственного порядка, допускаемые следователями. На конкретных примерах рассматриваются различные ситуации, когда цели, способы реализации, а также и сами тактические приемы вступают в противоречие с нравственными основами следственной тактики.

В юридической литературе рассмотрение критериев допустимости использования рекомендаций криминалистики обычно ограничивается простым перечислением случаев, когда использование того или иного приема по этическим соображениям недопустимо. Вероятно, такой подход к решению проблемы не совсем оправдан, так как составить полный перечень этических запретов или разрешений невозможно. Против подобного подхода к решению возникающих проблем в свое время возрежал В.И. Ленин, отметивший, что "сочинить такой рецепт или такое общее правило..., которое бы годилось на все случаи, есть нелепость. Надо иметь собственную голову на плечах, чтобы в каждом отдельном случае уметь разобраться"¹.

С учетом сложности и многогранности изучаемой проблемы вопросы классификации, систематизации нравственных критериев допу-

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 52.

тимости использования тактических приемов предполагают не простое перечисление случаев, а применение различных объективно существующих в следственной практике классификационных оснований. Нравственные критерии допустимости использования тактических приемов должны разрабатываться не применительно к какому-то одному следственному действию, а ко всей следственной тактике (системе тактических приемов). Они должны иметь охватной характер, пронизывать всю деятельность следователя. Поэтому в диссертации критерии допустимости исследуются в различных направлениях, в зависимости от объекта и целей применения тактических приемов, а также других факторов, влияющих на нравственную оценку использования приемов расследования. Эти критерии подразделяются на три группы. Первая группа нравственных критериев связывается с использованием приемов в отношении лиц, от которых следователь желает получить ту или иную информацию. Вторая группа нравственных критериев соотносится с использованием приемов в целях установления делового, нравственно-психологического контакта с участниками процесса, в присутствии или с участием которых производится следственное действие. Третья группа нравственных критериев допустимости использования тактических приемов обусловлена присутствием граждан при производстве некоторых процессуальных действий (таких как осмотр места происшествия, обыск, проверка показаний на месте, следственный эксперимент).

В четвертой главе - "Практика как конкретное проявление взаимосвязи научных, правовых и нравственных основ следственной тактики" - рассматривается взаимосвязь научных, правовых и нравственных основ в ходе производства конкретных процес-

суальных действий. Прослеживаются устойчивые и подвижные связи между основами, обусловленные их институциональным характером. Основное же внимание уделяется анализу с научных, правовых и нравственных позиций наиболее дискуссионных проблем тактики допроса, предъявления для опознания, обыска и освидетельствования.

На базе изучения архивных уголовных дел, а также с учетом опубликованной практики диссертантом разрабатываются рекомендации по предупреждению возникновения психологического конфликта между следователем и допрашиваемыми и намечаются пути и способы преодоления негативной позиции последних. В целях предупреждения возможного изменения показаний в судебном заседании со стороны потерпевших, особенно по делам о преступлениях против чести и достоинства граждан, следователям рекомендуется учитывать обстоятельства, могущие повлиять на позицию допрашиваемого и принимать меры к нейтрализации этих обстоятельств путем психологического настроя свидетелей и потерпевших к даче полных и правдивых показаний в специфических условиях судебного заседания. Разумеется, "психологическая подготовка" ничего общего не имеет с противозаконным "натаскиванием" допрашиваемого на дачу показаний угодных следователю.

При анализе позиции авторов, категорически возражающих против различного подхода к тактике допроса, обусловленного положительным или отрицательным отношением допрашиваемого к предмету допроса, в работе отстаивается и дополнительно аргументируется точка зрения (А.Н. Васильева, Л.М. Карнеевой, И.Ф. Пвттелеева, А.Р. Ратинова и других) о возможности, правомерности и нравственной допустимости использования различного тактического подхода к лицам, дающим правдивые и ложные показания. Вместе с тем, крити-

чески оцениваются отдельные рекомендации криминалистов о тактике допроса подозреваемого с помощью косвенных вопросов, без разъяснения ему его прав и обязанностей. Согласно требованиям закона подозреваемый должен знать, в чем его подозревают, ибо, давля показания по делу, он тем самым осуществляет защиту своих прав. Сокрытие же сути подозрения, использование косвенных вопросов, "вуалирующих" предмет допроса, в этих случаях является нарушением прав подозреваемого.

При рассмотрении научных, правовых и нравственных аспектов "эмоционального воздействия" на допрашиваемых, обосновывается вывод о правсмерности и допустимости использования такого воздействия лишь в ситуациях, когда следователь располагает достаточными доказательствами, уличающими допрашиваемого во лжи, так как в этом случае, даже если ложность показаний того или иного лица в ходе расследования не подтвердится, следователь сможет (сославшись на материалы уголовного дела) объяснить, почему допрашиваемому задавался "уличающий" вопрос.

Отмечая сложность и своеобразность предъявления для опознания, в диссертации критикуется позиция тех, кто предлагает опознавать человека по запаху, гипсовым слепком и восковым маскам, сделанным с лиц неопознанных трупов, слепком, составным портретам, а также производить опознание преступника на улице (когда следователь с целью розыска и задержания подозреваемого вместе с потерпевшим или свидетелем выходит на вокзалы, пристани и т.д.). В этой связи в диссертации отмечается, что узнавание человека по слепкам, маскам и другим подобным признакам, а также узнавание подозреваемого свидетелем или потерпевшим в общественных местах представляет прак-

тический интерес лишь в оперативных целях, но оно не может производиться в качестве самостоятельного следственного действия.

3030
Мораль как форму общественного сознания отличает прогрессивное развитие в сторону гуманизации, что обуславливает повышение регулятивной роли нравственности в работе следователя. И если ранее отдельные тактические приемы с позиций практики использовались без каких-либо серьезных замечаний (например, постановка внезапных вопросов подозреваемому без разъяснения ему его прав), то сейчас нравственные критерии допустимости пересматриваются, и не все приемы, которые ранее подтверждались практикой, дозволени сегодня с нравственных позиций. С учетом этого в работе критически исследуются предложения об опознании человека по голосу и походке. Согласно ст. 165 УПК РСФСР опознание может производиться по признакам внешности. Внешность же - это внешний, наружный облик, черты лица, лишенные глубины, внутреннего содержания¹. В то время как голос, походка являются отражением внутренних свойств, качеств, присущих тому или иному индивиду². Поэтому рекомендации авторов, считающих опознание по голосу и походке правомерным, не согласуются с подлинным смыслом закона. В них расширительно трактуются признаки, на основе которых можно производить опознание.

Главным тактическим правилом опознания по функциональным признакам является сокрытие от подозреваемого самого факта след-

1 См. Толковый словарь русского языка. Под ред. Д.Н. Ушакова. М., 1935, с. 318, Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1968, с. 88, 379.

2 См. Толковый словарь русского языка. Под ред. Д.Н. Ушакова, с. 590 и др.

ственного действия, что в свою очередь влечет за собой нарушения процессуальных гарантий опознаваемого. Согласно ст. 165 УПК РСФСР, опознаваемый сам определяет место (очередность "разговора" или прохождения перед опознающим) среди предъявляемых лиц, что должно быть отражено в протоколе следственного действия. Скрытие же от опознаваемого самого факта производства процессуального действия, опознание "из-за угла", "из-за дверей", граничит с обманом, не согласуется с моральными принципами уважения чести и достоинства граждан.

Кроме того, присутствие понятых в разных помещениях с опознаваемым (при опознании по голосу) лишает их возможности всесторонне наблюдать за всем происходящим. Поэтому в качестве объективных свидетелей (если это потребуется в судебном заседании) они выступать не могут, так как сами полностью не видели всех действий участников предъявления для опознания. Функциональные признаки (голос, походка), отражающие свойства, внутренние качества человека (точно также как не может быть идентифицирован металл по звону, хотя звук и отражает определенные свойства того или иного металла), не могут быть положены в основу опознания и потому, что в криминалистике еще не полностью разработана научно-обоснованная классификация этих признаков.¹ Представляется, более правильным относить опознание по голосу и походке не к самостоятельным следственным действиям, а к оперативным мероприятиям.

В новом аспекте даются рекомендации и по производству пов-

¹ Очевидно этим обстоятельством обусловлены суждения и самих сторонников такого опознания о том, что к результатам отождествления по голосу и походке нужно подходить весьма критически (см. Гинзбург А.Я. Тактика предъявления для опознания. М., 1971, с.86; Криминалистика. М., 1978, с. 353 и работы других авторов).

торного предъявления для опознания одних и тех же людей. При этом обосновывается тезис о том, что повторное опознание человека одним и тем же опознающим возможно лишь в том случае, если первое опознание было прекращено преждевременно или его результаты не соответствуют действительности по обстоятельствам объективного, а не субъективного характера^I. Например, опознающий в силу физических или психических недостатков временного характера (не известных следователю до опознания) не мог объективно ориентироваться в пространстве и во времени. Практически такие ситуации возможны в некоторых случаях: а) опознающий в момент опознания находился в болезненном состоянии и в силу этого не мог объективно воспринимать и оценивать воспринятое; б) опознающий (особенно потерпевший или малолетний) в момент опознания, узнав в числе предъявленных ему лиц преступника, испытал нервное потрясение (психогенная реакция, обморок и т.п.), что явилось причиной преждевременного окончания следственного действия.

При анализе научных, правовых и нравственных сторон тактики обыска, в работе делается вывод о том, что обыск может быть произведен лишь после возбуждения уголовного дела. В этой связи признаются спорными рекомендации авторов, фактически подменяющих основания производства обыска основаниями для задержания подозреваемого, предусмотренными ст. 122 УПК РСФСР, что может приводить к производству незаконных обысков до возбуждения уголовного дела, к подмене следственных действий оперативно-розыскными мероприятиями.

I К субъективным факторам автор относит случаи, когда причинно-следственные связи опознания нарушаются одним из участников этого следственного действия в силу халатности (по вине следователя нарушаются процессуальные и тактические правила предъявления для опознания) или умышленно (когда опознающий узнал опознаваемого, но по каким-либо соображениям дал заведомо ложное объяснение).

Спорными признаются и рекомендации юристов, переоценивающих результаты наблюдения за обыскиваемым и полагающих, что тактику обыска нужно "подчинять" этим наблюдениям, так как "поведение обыскиваемого указывает на тайник с той же определенностью, как стрелка компаса показывает на север". С учетом специфики обыска, ситуации, которые могут возникать при его производстве, условно подразделяются на конфликтные и остроконфликтные. К конфликтным относятся случаи, когда обыскиваемые (например, родители обвиняемого) активно не противодействуют следователю, но отказываются добровольно выдать искомое. Остроконфликтные - это такие ситуации, когда обыскиваемый оказывает сопротивление участникам обыска, ведет себя агрессивно. Исходя из этого, в работе предложено несколько тактически и нравственно обоснованных рекомендаций по установлению и налаживанию психологического контакта между обыскиваемым и другими участниками этого следственного действия, а также рекомендованы меры по нейтрализации агрессивного поведения обыскиваемого в целях создания нормальной, деловой атмосферы обыска.

Несколько нетрадиционно рассматриваются правовые и нравственные аспекты возможности принудительного освидетельствования потерпевших и свидетелей. В решении этой проблемы мнения ученых разделились на две позиции. Одни (Т.Добровольская, П.Элькинд и др.) считают, что принудительно освидетельствовать потерпевшего и свидетеля возможно, так как это вытекает из смысла ст. 181 УПК РСФСР. Другие же (М.С. Строгович, С.Г. Любичев, например) полагают, что в законе таких процессуальных мер принуждения против потерпевшего и свидетеля нет, а поэтому принудительно осви-

детельствовать их не только неправмерно, но и аморально. Очевидно, решение этого вопроса заключено не в формуле "есть закон - выполняй" и не в том, что если выполнение нормы УПК причиняет потерпевшему нравственные неудобства, то действие требований закона приостанавливается, а - в несколько иной плоскости. Поэтому суть проблемы должна сводиться не к дилемме - кому отдать предпочтение - закону или нравственности, а - к теоретико-практическому разрешению коллизии, к даче конкретных рекомендаций практическим работникам. Нравственный фактор, моральное убеждение при освидетельствовании действительно выступает на первый план. Однако это не исключает возможности принудительного освидетельствования: если решение вопроса о виновности или невиновности обвиняемого находится в прямой зависимости от результатов освидетельствования, то на смену нравственным формам убеждения должны прийти процессуальные меры принуждения. Очевидно, только такое взаимодействие нормы права и морали поможет быстрее и полнее раскрыть совершенное преступление.

Предпринятый автором анализ научных, правовых и нравственных основ следственной тактики, разумеется, не является исчерпывающим анализом всех основ деятельности следователя по расследованию преступлений. Это - лишь изучение отдельных наиболее важных ее сторон. Автор ясно представляет, что его попытка комплексного исследования основных аспектов предварительного следствия может рассматриваться как отправная позиция к развертыванию более широких исследований в избранном аспекте. Очевидно этим могут быть объяснены некоторые спорные моменты в данной работе.

В целом же выдвинутые положения, имеющиеся в диссертации,

могут быть использованы в дальнейших теоретических изысканиях ряда важнейших проблем криминалистики и следственной тактики. Конкретные же рекомендации автора могут быть приняты следователями к непосредственному руководству в тактике производства следственных действий.

Основные положения диссертации опубликованы автором в следующих работах:

1. Строго соблюдать требования закона при расследовании преступлений (в соавторстве). - "Социалистическая законность", 1976, № 2.
2. Объективные и субъективные факторы в общих положениях методики расследования преступлений против нравственности. В сб. "Методика расследования преступлений (общие положения)". М., 1976.
3. Правовые и нравственные основы следственной тактики. - "Вестник московского университета", серия "Право", 1976, № 6.